

КУРСКІА ЕПАРХІАЛЬНЫА ВѢДОМОСТИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРЫЙ.

1—8 ЮНЯ

№ 23

1902 ГОДА.

Выходятъ еженедѣльно по Суббо-
тамъ. Редакція при Духовной
Семинаріи.

ЦѢНА годовому изданію съ пе-
рсылкой и безъ персылки 5 руб.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ЕПАРХІАЛЬНЫА РАСПОРЯЖЕНІА И ИЗВѢСТІА.

I. Утвержденія.

Резолюціею Его Преосвященства утверждены:

1 іюня, и. д. псаломщика села Архіерейской Новослободки, Борожанскаго уѣзда, Александръ Колонутовъ — въ должности псаломщика.

II. Определенія на мѣста.

Резолюціею Его Преосвященства определены:

31 мая, сынъ псаломщика Лука Страховъ — допущенъ къ исправленію должности псаломщика въ Успенской церкви слоб. Чернянки, Ново-Оскольскаго уѣзда; 4 іюня, воспитанникъ Курскій Духовной Семинаріи Николай Арбузовъ — діакономъ въ село Никольское, Тимскаго уѣзда.

III. П е р е м ѣ щ е н і я .

Резолюціею Ею Превосвященства перемѣщены:

4 іюня, священникъ села Новикова, Старо-Оскольского уѣзда, *Василій Мальцевъ*—въ село Ахтырское, Гремячку тожь, Щигровскаго уѣзда; 5 іюня, священникъ села Боева, Курскаго уѣзда, *Порфирій Поповъ*—въ село Жирово, Фатежскаго уѣзда; священникъ села Панковъ, Старо-Оскольского уѣзда, *Георгій Халанскій*—въ село Боево (Старосельцево) Курскаго уѣзда.

IV. У в о л ь н е н і е .

Опредѣленіемъ Епархіальнаго Начальства отъ 1-го іюня псаломщикъ села Борокъ, Суджанскаго уѣзда, *Николай Богоявленскій*—удаленъ отъ должности псаломщика.

Умершіе: 21 мая—священникъ села Кремянаго, Льговскаго уѣзда, *Владиміръ Недригайловъ*; 28 мая—псаломщикъ села Лапыгина, Старо-Оскольского уѣзда, *Теодоръ Рудневъ*.

V. В а к а н с і и *).

а) *С в я щ е н н и ч е с к і я :*

въ с. Серебрянкѣ Ново-Оскольского уѣзда,
въ с. Новиковѣ, } Старо-Оскольского уѣзда,
въ с. Панкахъ, }
въ с. Байцуровѣ Грайворонскаго уѣзда.

б) *Д і а к о н с к і я :*

въ г. Бѣлгородѣ при Успенско-Николаевской соборной церкви,
въ селахъ: Масловѣ,
Виногробской Платѣ, } Курскаго уѣзда,

*) Свѣдѣнія о приходяхъ и пр. показаны въ справочной тетради о церквахъ и причтахъ, разосланной по епархіи.

въ селахъ: Андреевкѣ (Головинѣ),
Зиборовкѣ,
сл. Красной,
Дальней Игумновой,
Мазикинѣ,
Никольскомъ (Хлоповкѣ),
Пяти-Яругахъ,
Ушаковѣ,
Черемошномъ,
Разумномъ,
Крутомъ Логѣ,
Журавлевкѣ,

Бѣлгородскаго

уѣзда,

Казачьей Лисичкѣ,
Мощеномъ,
Ивановской Лисицѣ,
Почаевѣ,
Глинкѣ,
Коровинѣ,

Грайворонскаго

уѣзда,

Романовѣ,
Сныткинѣ,
Коробкинѣ,
Сальномъ,

Дмитріевскаго уѣзда,

Коломыйцевой,
Нечаевѣ,
Казанскомъ,
Космодамианской, Неклюдово тожъ,
Терезовкѣ,
Соколовкѣ,
Фощеватой,
Сѣтномъ,
Лозномъ,
Холодной,
Никольскомъ,

Кор.

уѣзда

Кирѣевкѣ,
Угонахъ,

Льговскаго уѣзда,

въ селахъ: Артельномъ,
Поповкѣ,
Верхнемъ Березовѣ,
Новой Безгинкѣ,
Васильевомъ Долу,
Бубновѣ,
Велико-Михайловкѣ при
Казанской церкви,
въ сл. Большой Халани (Успенская
церковь),

Ново-Осколь-
скаго уѣзда,

Сырцевѣ,
Долгомъ Колодезѣ,
Дмитріевскомъ,
Покровскомъ,
Красномъ,
Вышнихъ Пѣнахъ,
Черкасскомъ,
Сухой Солотинѣ,

Обоянскаго уѣзда,

Князевѣ,
Погаричахъ,
Духановкѣ,
Дьяковкѣ,
Рыжевкѣ,
Ревякинѣ,
Клепалахъ, при Казанской церкви,
Гвиптовомъ,
Казацкомъ,

Путивльскаго
уѣзда,

Пушкарномъ,
Толпинѣ,
Алексѣевкѣ,
Снагости,

Рыльскаго уѣзда,

Кондровкѣ,
Мѣловомъ,

Старо-Оскольскаго
уѣзда,

Груновкѣ,
Введенской Бѣлицѣ,

Суджанскаго уѣзда,

въ селахъ: Мартыновкѣ,
Дарьинѣ, } Суджанскаго уѣзда,

Мяснянскомъ,
Субботинѣ,
Верховѣ Бѣлаго-Колодезя,
Верхосемьѣ,
Кускинѣ, } Тимскаго
уѣзда,

Спасскомъ,
Знаменскомъ, } Щигровскаго уѣзда,

Новоспасскомъ Фатежскаго уѣзда,

Рышковѣ, что на Ключвѣ, Курскаго уѣзда.

в) псаломщицкія:

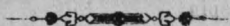
въ с. Ахтырскомъ Щигровскаго уѣзда (2-го),

въ с. Шульгинѣ, Ходино тожъ, Путивльскаго уѣзда,

въ с. Ильинскомъ Тимскаго уѣзда,

въ с. Баркахъ Суджанскаго уѣзда,

въ с. Лапыгинѣ Старо-Оскольскаго уѣзда.

Отъ Курской Духовной Консисторіи.

Велѣдствіе заявленія Курскаго Епархіальнаго Наблюдателя церковныхъ школъ, Протоіерея Іоанна Каплинскаго о томъ, что діаконѣ Тимскаго уѣзда: Никиту Праведникова и Іоанна Иванова слѣдуетъ уволить отъ учительскихъ должностей, перваго изъ Черновецкой церковно-приходской школы и втораго изъ Кривецкой, какъ слабо и неисправно занимающихся, съ вычетомъ

третьей части изъ ихъ доходовъ, — состоялось слѣдующее журнальное постановленіе Совѣта: „Ходатайствовать предъ Его Преосвященствомъ объ увольненіи отъ учительскихъ должностей Черновецкой церковно-приходской школы діакона Никиты Праведникова и Кривецкой школы діакона Іоанна Иванова, неисправно ведущихъ занятія, съ вычетомъ третьей части изъ ихъ доходовъ“.

На семъ постановленіи резолюція Его Преосвященства 26 апрѣля за № 3018 послѣдовала такая: „на нынѣшій годъ вычетъ $\frac{1}{3}$ части доходовъ съ діаконovahъ лѣнивыхъ замѣнить выговоромъ со внесеніемъ въ формуляръ и опубликованіемъ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“.

Членъ Консисторіи, Священникъ *К. Поповъ*.

И. об. Секретаря *Колмаковъ*.

Содержаніе:—Епархіальныя распоряженія и извѣстія.—I. Утвержденіе.—II. Опредѣленія.—III. Перемѣщенія.—IV. Увольненія.—V. Вакансіи.—VI. Отъ Курской Духовной Консисторіи.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *Іаковъ Новицкій*.

— 98 —

П Р И Б А В Л Е Н І Е
КЪ КУРСКИМЪ СВЯТЫМЪ СЛАВНЫМЪ БУДОУЩАМЪ.

Ч А С Т Ъ Н Е О Ф И Ц И А Л Ъ Н А Я .

1—8 іюня

№ 23

1902 года.

С П А С Е Н І Е Ч Е Л О В Ъ К А

по ученію Православной Церкви.

(Продолженіе).

Итакъ, повторяемъ, не въ винѣ грѣха и возмездіи за него, а въ самомъ грѣхѣ, какъ дѣйствующемъ зломъ началѣ,—вотъ въ чемъ заключалась для падшаго человѣка главная тяжесть паденія, вотъ отъ чего изнывалъ подзаконный, безблагодатный человѣкъ, что нужно было снять съ него. Грѣхъ есть нарушеніе закона: но законъ этотъ—не только выраженіе воли Божіей, но вмѣстѣ съ этимъ и норма нашей жизни, опредѣляемая и самую нашу богоподобною природою. И нарушая его,—мы не виѣ насъ только грѣшимъ, не сторонній міропорядокъ нарушаемъ, но вносимъ смуту, разладъ и извращеніе внутрь себя, повреждаемъ собственную природу. Грѣхомъ мы ниспровергли нормы и начала истинной своей жизни; апостоль и называетъ насъ мертвыми прегрѣшенными. Поэтому-то и искупленіе должно было прежде всего избавленіемъ отъ грѣха. Объ этомъ молилъ царь Давидъ въ своемъ покаянномъ воплѣ—общезвѣстномъ 50 пс., въ яркихъ краскахъ описывая скорбное состояніе грѣшника, беззаконія котораго превзошли главу его и, какъ бремя тяжело, отяготѣли надъ нимъ: „сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей“¹⁾. Тоже чаще всего испрашиваетъ намъ въ своихъ пѣснопѣніяхъ Церковь: напомнимъ вамъ хотя бы эти умилительныя пѣсни 8-го гласа: „вскую мя отринуть еси отъ лица

¹⁾ Пс. I, ст. 12.

Твоего, Свѣте незаходимый, и покрыла мя есть чуждая тьма, окаяннаго; этою тьмою и является грѣховное состояніе падшаго;— „но обрати мя къ свѣту заповѣдей Твоихъ, пути моя направи, молюся“. Избавленіе для насъ, поэтому, нравственное исправленіе. Или: „очисти мя, спасе! Многа бо беззаконія моя, и изъ глубины золь возведи, молюся: къ Тебѣ бо возопихъ, и услыши мя, Боже спасенія моего.“ — Вотъ она глубина золь—во многихъ беззаконіяхъ нашихъ: отъ нея-то и возводитъ насъ Богъ, даруя спасеніе...

Но ставъ основнымъ зломъ нашей природы и главнымъ бѣдствіемъ падшаго состоянія самъ по себѣ, грѣхъ сталъ нашею погибелью и въ дальнѣйшемъ, въ своихъ послѣдствіяхъ. Онъ дѣйствительно, будучи враждою на Бога истины и святости, подвергъ насъ осужденію и возмездію отъ Бога. Овладевъя человѣкомъ, грѣхъ даетъ ему бѣдствія этой жизни и готовитъ за гробомъ кару мученій. Библейское и святоотеческое ученіе ясно говоритъ, что онъ взвѣшивается на вѣсахъ правосудія Божія и навлекаетъ на насъ гнѣвъ Бога, который поруганъ не бываетъ. Отъ этого гнѣва и наказанія и избавилъ насъ Иисусъ Христосъ, принявъ на себя клятвы и крестную смерть во искупленіе человѣка. Съ оправдываемаго во Христѣ вмѣстѣ съ грѣхомъ снимается и возмездіе за него.

Но Православная Церковь въ святоотеческомъ ученіи, и послѣдствія грѣха—осужденіе и наказаніе—понимаетъ не такъ, какъ западныя, гдѣ, какъ мы видѣли, основныя понятія: вина, отплата, наказаніе. У отцевъ Церкви и здѣсь мы видимъ воззрѣніе прежде всего—нравственно-психологическое, а не юридическое.

Грѣхъ есть преступленіе Божественнаго закона; поэтому, онъ долженъ повлечь за собой соотвѣтственное, соразмѣрное винѣ, наказаніе: такъ говоритъ правовое латинское представленіе.—Грѣхъ есть наше свободное самоопредѣленіе ко злу вмѣсто добра, начальный моментъ ненормальнаго нашего внутренняго состоянія, устанавливаемаго имъ; поэтому онъ долженъ повлечь за собою новыя отношенія къ Источнику тѣхъ началъ, отъ которыхъ отступилъ человѣкъ чрезъ грѣхъ,—къ

Богу, таково учение православное. Грѣхъ удаляетъ человѣка отъ Бога: въ этомъ и заключается главнымъ образомъ его осужденіе и наказаніе. Поэтому и освобожденіе отъ этого наказанія не отдѣльное что-либо отъ освобожденія отъ грѣха и добавочное къ нему, а только внѣшняя сторона его. Это — то же самое исправленіе человѣка, прилѣпленіе его къ добру и отверженіе зла, но только взятое съ точки зрѣнія его положенія въ отношеніи къ нормамъ своего бытія и жизни Божественной. Мученіе есть — удаленіе отъ Бога, жизнь внѣ Его; блаженство — богообщеніе.

Полнѣе и глубже всего выяснено, въ чемъ заключаются это осужденіе и наказаніе, являющіяся слѣдствіемъ грѣха, и что такое это блаженство, котораго достигаетъ человѣкъ чрезъ Христа, — у св. Иринея Лионскаго, въ его сочиненіи „противъ ересей“. Говоря о пришествіи Сына Божія, что оно будетъ на погибель однимъ — невѣрующимъ, и воскресеніе другимъ — вѣрующимъ, этотъ отецъ объясняетъ: „ибо и вѣрующіе вѣрують по ихъ собственному выбору, точно также и несоглашающіеся съ Его ученіемъ не соглашаются по ихъ собственному выбору... Тѣмъ, которые пребываютъ въ своей любви къ Богу, Онъ даруетъ общеніе съ Нимъ. Но общеніе съ Богомъ есть жизнь и свѣтъ и наслажденіе всѣми благами, какія есть у Него. На тѣхъ же, которые по ихъ собственному выбору удаляются отъ Бога, Онъ налагаетъ то разъединеніе съ Собою, которое они выбрали по собственному соглашенію. Но разъединеніе съ Богомъ есть смерть и разъединеніе со свѣтомъ есть тьма, и разъединеніе съ Богомъ есть лишеніе всѣхъ благъ, которыя есть у Него. Поэтому тѣ, которые чрезъ отступничество теряютъ эти вышеупомянутыя вещи, будучи лишены всего блага, испытываютъ всякаго рода наказаніе. Однако Богъ не наказываетъ ихъ непосредственно Самъ, но это наказаніе падаетъ на нихъ, потому что они лишены всего того, что есть благо. Въ самомъ дѣлѣ, благо вѣчно и безъ конца находится съ Богомъ и, слѣдовательно, лишеніе блага также вѣчно и не имѣетъ конца. Въ этомъ случаѣ происходитъ то же, что при возсіяніи свѣта: тѣ, которые ослѣпили себя или ослѣплены

другими, совершенно лишены наслажденія свѣтомъ. Но не такъ, чтобы свѣтъ на нихъ наложилъ наказаніе за слѣпоту, но эта слѣпота сама собою принесла имъ несчастіе. Поэтому Господь объявилъ: вѣрующій въ Меня не судится, т. е. не разъединяется отъ Бога, ибо соединенъ съ Нимъ вѣрою. Съ другой стороны, Онъ говоритъ: невѣрующій уже осужденъ, ибо онъ не вѣровалъ во имя Единороднаго Сына Божія, т. е. по своему собственному соглашенію разъединилъ себя отъ Бога... Итакъ, коль-скоро нѣкоторые люди въ этомъ мірѣ отдастъ себя свѣту и посредствомъ вѣры соединяются съ Богомъ, другіе же бѣгутъ свѣта и разъединяютъ себя отъ Бога, — Слово Божіе придетъ приготовить соотвѣтствующее обиталище для тѣхъ и другихъ: для тѣхъ, кто въ свѣтѣ, чтобы они могли получать блаженство отъ свѣта и блага, заключающагося въ немъ, — а равно и для находящихся во тьмѣ, чтобы они были причастны ея бѣдствіямъ. По этой причинѣ Онъ и говоритъ, что находящіеся по правую руку позваны будутъ въ царство небесное, а находящіеся по лѣвую руку Онъ пошлетъ въ вѣчный огонь, ибо они лишили себя всѣхъ благъ¹⁾.

Таковы подлинныя слова св. отца. — Нельзя не благоговѣть предъ этими строками, такъ глубоко, такъ жизненно-правдиво устанавливающими естественную связь и полную сообразность между грѣхомъ и его послѣдствіями, а равно — праведностью и ея плодами, существо этихъ послѣдствій и ихъ смыслъ. Богъ есть Высшее благо, Источникъ всѣхъ благъ. Грѣхъ есть вражда на Бога, удаленіе отъ Него; удѣлъ закоренѣлаго грѣшника — безусловное лишеніе всѣхъ благъ (а психологія говоритъ, что лишеніе есть основа и сущность страданія), — мучительная тьма въ совершенномъ разобщеніи съ животворящимъ свѣтомъ. — Не будемъ останавливаться надъ рѣшеніемъ вопроса о томъ, духовныя ли лишь или тѣлесныя будутъ эти лишенія: припомнимъ только, что новыя тѣлеса по воскресеніи будутъ не эти грубовещественныя тѣла, и что съ другой стороны — они будутъ вполне сообразны облакающемуся ими

¹⁾ Противъ ересей, кн. V, гл. 27—28. Арх. Сергій. Православное ученіе о спасеніи. Стр. 128—129.

духу, и если въ этой жизни душа наша ни въ одинъ моментъ не живетъ безъ тѣла, то еще болѣе должны будутъ участвовать въ жизни своего духа тѣ тѣла, и въ блаженствѣ, и въ мученіи. Для насъ теперь важно одно, что и судъ, и мученіе всецѣло являются здѣсь отраженіемъ, въ отношеніи къ Богу, нашего духовно-нравственнаго состоянія, не суть внѣшній придатокъ къ нему, и немислимы ни въ одинъ моментъ помимо него. Поэтому и избавленіе отъ осужденія и наказанія въ сущности должно быть все тѣмъ же избавленіемъ отъ состоянія грѣховности и требуетъ для себя исключительно-нравственнаго измѣненія человѣка.

Такъ понимаемъ мы ту погибель и смерть, отъ которыхъ пришелъ насъ избавить, по безмѣрной любви къ намъ, Спаситель. То—погибель прежде и въ основѣ всего—нравственная, то смертельное поражение самага нашего духа—внутри его. Богъ, какъ чистѣйшая Святость, не могъ терпѣть рядомъ съ Собою зла и грѣха, и никогда не можетъ примириться съ ними, ибо то—мерзость предъ Нимъ, и отвергъ ихъ, осудилъ ихъ—и проклялъ. Но Его судъ и наказаніе за нихъ не мечь Его за Себя, не отплата: то предоставленіе Имъ этого грѣшника самому себѣ, добровольно избранному имъ содержанію жизни, въ которой Онъ, Святѣйшій, не находитъ Себѣ средняго, общаго съ Его жизнью. Наша будущая жизнь есть усовершенное продолженіе въ безконечную даль устанавлиемаго нами теперь характера нашей жизнедѣятельности, а судъ и возмездіе—это Божественное признаніе и опредѣленіе этого послѣдняго въ полной его силѣ, и отведеніе намъ соответствующаго положенія, въполнѣ сообразныхъ, подходящихъ условій дальнѣйшаго существованія. Человѣкъ своими руками создаетъ и пищу своей душѣ, и сообразную тому участь: тяжесть или сладость этой послѣдней налагается на него не со стороны, а опредѣляется внутри его, отъ него же исходитъ. Наша участь—дѣло нашей свободы. Итакъ, чтобы получить возможность наслаждаться въ добрѣ, человѣкъ долженъ выработать въ себѣ способность къ этому, стать самъ нравственно-добрымъ. Спасеніе представляется человѣку, какъ самоулучшеніе...

— Но мы уже знаемъ, что самому человѣку послѣ паденія это было не подѣ силу, мы знаемъ, что грѣхомъ Адама люди стали плѣнниками діавола, рабами грѣха, который вошелъ въ самую нашу природу, какъ опредѣляющее начало. Духовно-нравственный обликъ человѣка отселѣ представляетъ необходимое смѣшеніе добра и зла, правды и грѣха, и человѣку уже невозможно было самому освободиться отъ грѣховнаго рабства и возродиться. Зачатый въ беззаконіи и во грѣхахъ рожденный, человѣкъ слѣпо и безповоротно стремился къ гибели, удаляясь отъ святости и блага, утверждаясь во враждѣ на Бога. Чтобы его спасти отъ этой гибели, необходимо было освободить его отъ рабства грѣховнаго и обновить—возродить его.

Христось, второй Адамъ, глава человѣчества, подвигомъ Своей жизни и крестными страданіями искупилъ насъ, приобрѣлъ Себѣ и Отцу. Воплощеніе Сына Божія и было здѣсь исходомъ: принявъ на себя безгрѣшную, но подобосущную намъ плоть и поживъ среди насъ, Онъ приблизился къ намъ, и въ этомъ живомъ общеніи Онъ пробудилъ въ ученикахъ лучшія стороны ихъ духа и своимъ ученіемъ направилъ ихъ къ идеальному совершенству. Но для спасенія человѣка недостаточно было поддержать и направить доброе въ немъ: нужно было устранить злое въ немъ, нужно было освободить его отъ рабства грѣховнаго. Христось и взялъ на Себя грѣхъ возглаголяемаго имъ человѣческаго рода. Невѣдомая и ангеламъ, непостижимая тайна, какимъ образомъ безгрѣшному Богочеловѣку вмѣнился весь міровой грѣхъ, какъ недовѣдомо и то, какъ вмѣнилась грѣшному міру Его праведность. Тайны эти могутъ только приблизиться къ нашему пониманію, если мы припомнимъ, что Христось органически соединился съ падшимъ человѣческимъ роломъ, сталъ тою лозою, на которой и произростаетъ всякіе рождіе. Въ организмъ—болитъ одинъ членъ, болитъ все тѣло, исцѣляется больной членъ—здоровѣтъ все тѣло.—Подобно сему и Христось язвѣнъ бысть за грѣхи наши и язвою Его мы исцѣлѣхомъ. Его страданіями вышечеловѣческими разрѣшилась смертоносная сила грѣха, рабскимъ

уничженіемъ и крестомъ осужденнаго была дана свобода и прощеніе виновнику во грѣхъ—человѣку грѣшнику. Человѣчество было искуплено. Для него опять становится возможнымъ общеніе съ Богомъ и открывается доступъ къ благодати Его. Честуемый нашею церковію Крестъ—символь конца царства грѣха и смерти и начала спасенія. За Крестомъ послѣдовало воскресеніе, за торжествомъ царя грѣха—убійцы голгофскаго Страдальца—его связаніе,—обновленіе жизни всего подпавшаго ему человѣчества. Для своихъ послѣдователей Христосъ устанавливаетъ сверхъестественное средство, именно—таинство крещенія, въ которомъ человѣкъ и спогребается Христу, соумираетъ съ Нимъ, поканчивая, какъ Онъ покончилъ съ общечеловѣческимъ грѣхомъ, съ грѣхомъ собственнымъ. Человѣкъ усваиваетъ здѣсь себѣ плоды Голгофскихъ страданій.

(Продолженіе будетъ).

*Изъ путешествія на Аѳонъ *).*

(Воспоминанія Н. Н. Страхова).

Въ моей жизни было рѣдкое и прекрасное событіе: я видѣлъ Аѳонъ. Впечатлѣнія, которыя оставила во мнѣ Святая Гора, составляли съ тѣхъ поръ (т.-е. съ 1881 года) великую мою драгоценность и живо возникали во мнѣ всякій разъ, когда мнѣ приходилось читать чужіе рассказы объ Аѳонѣ. Нигдѣ, однакоже, не приходилось мнѣ найти повторенія тѣхъ впечатлѣній, которыя я испыталъ и которыя очень хотѣлъ-бы встрѣтить въ полномъ и ясномъ выраженіи.

Святая Гора—небольшой полуостровъ Эгейскаго моря, населенный монахами. Тамъ сохранилась до нашихъ дней и продолжаетъ неприкосновенно процвѣтать особая жизнь, начавшаяся съ первыхъ вѣковъ христіанства и, уже почти ты-

*) Русск. писатели о Св. мѣстахъ. Изд. Сытина. М. 1899 г. стр. 18—35.

сячу лѣтъ назадъ, вполне сложившаяся въ свои формы. Эти монахи показали, какъ бы въ видѣ огромнаго историческаго примѣра, истинное свойство монашества, то-есть, что они дѣйствительно отрекшіеся отъ міра богомольцы, чуждые всякихъ земныхъ дѣлъ. Такъ ихъ и поняли иновѣрные турки и оставили ихъ въ покоѣ, такъ что люди, отказавшіеся отъ всѣхъ земныхъ благъ, сохранили въ теченіи многихъ бѣдственныхъ вѣковъ лучшее благо—независимость и самобытный складъ жизни. Но дѣль ихъ была разъ навсегда назначена, и средства для нея отъ начала были отпредѣлены; поэтому имъ не нужно было никакихъ перемѣнъ, и у нихъ не было исторіи. По свидѣтельству ученыхъ изслѣдователей, Аѳонъ есть дѣйствительно живой остатокъ глубокой старины, и въ этомъ отношеніи мѣсто единственное въ своемъ родѣ, подобнаго которому нѣтъ ни въ одной странѣ обитаемаго міра.

Вспомнимъ при этомъ, какой духъ тамъ живетъ,—духъ нашего православнаго благочестія. Тамъ—одно изъ чистѣйшихъ воплощеній того животворнаго начала, которое составляетъ истинную душу русскаго народа. Аѳонъ есть поприще и училище святости, а святой человѣкъ есть высшій идеаль русскихъ людей.

Вообще для русскаго поѣздка на Аѳонъ оказывается дѣломъ самымъ простымъ и легкимъ. Не нужно ни малѣйшихъ хлопотъ и усилій. Въ Константинополѣ монахи возьмутъ васъ съ парохода, помѣстятъ въ своемъ подворьѣ, будутъ васъ кормить и поить, и когда придетъ время, посадятъ на пароходъ, отправляющійся къ Святой Горѣ. Поразительно то обстоятельство, что только русскій монастырь устроилъ совершенно правильное и удобное сообщеніе съ Аѳономъ. Французскій пароходъ, дѣлающій правильные рейсы по Мраморному и Бѣлому морямъ, обязанъ зайти по условію одинъ разъ въ двѣ недѣли въ русскій монастырь св. Пантелеимона; тутъ онъ оставляетъ тѣхъ, кто сѣлъ въ Константинополѣ, и беретъ тѣхъ, кто туда возвращается. Нашъ монастырь, поэтому, сталъ точкой сообщенія съ остальнымъ міромъ всей Аѳонской горы;

онъ разъ въ двѣ недѣли принимаетъ подъ свой кровъ путниковъ всякихъ другихъ монастырей, хотя изъ нихъ многіе превосходятъ его древностію и богатствомъ. Дѣло въ томъ, что обильный и непрерывный потокъ богомольцевъ въ настоящее время идетъ только изъ Россіи; путники, идущіе изъ другихъ странъ, становятся все рѣже и рѣже. Говорятъ, что греки усердно посѣщали Аѳонъ и дѣлали богатыя приношенія, пока были подъ властію турокъ, но со времени освобожденія все это почти прекратилось. Греки очень рѣдко стали поступать и въ монахи, такъ что ихъ монастыри состоятъ теперь изъ глубокихъ старцевъ и понемногу пустѣютъ. У насъ наоборотъ: число монашествующихъ растетъ съ каждымъ годомъ. Всего замѣчательнѣе то, что это процвѣтаніе есть дѣло недавнее. Въ это время, незримо для насъ, благочестивые люди одинъ за другимъ уходили на-всегда за дальнія моря и составили тамъ нынѣшнее многолюдное и цвѣтущее общечитіе.

Можетъ-быть, это—простое слѣдствіе оживленія всякихъ передвиженій и сношеній, а можетъ-быть, тутъ есть и молчаливый протестъ противъ нашего просвѣщенія.

Вечеромъ 30-го августа мы обогнули мысъ, на которомъ стоитъ высокій конусъ, называемый собственно горою Аѳономъ, и осторожно стали подвигаться вдоль западнаго берега полуострова. Наступила тихая и темная звѣздная ночь, и я съ сокрушеніемъ смотрѣлъ на гористый берегъ, смутно темнѣвшій передъ нами. Какую бы красоту мы увидѣли, если бы это было при свѣтѣ солнца! Въ часу одиннадцатомъ вечера, наконецъ, медленно движущійся пароходъ остановился въ темнотѣ противъ русскаго монастыря. Большая неправильная груда зданій, гдѣ не свѣтилось ни одного огонька, не ясно бѣлѣла на берегу. Съ парохода дали сигналъ—небольшой пушечный выстрѣлъ; все молчало и было темно по прежнему. Подождали, сдѣлали другой выстрѣлъ и опять стали ждать. Бѣда была въ томъ, что всѣ монахи спали,—они вѣдь ежедневно встаютъ отъ сна въ первомъ часу ночи. Наконецъ, на берегу показались люди съ огнями, и лодки стали подходить къ пароходу. Слу-

чилось такъ, что они сперва пристали къ сходу изъ третьяго класса. Мы должны были ждать, пока будетъ перевезена на пристань большая толпа богомольцевъ изъ простонародья. Хлопотъ было много и монахи усердно работали, принимая путниковъ и ихъ вещи. Я праздно стоялъ, вглядываясь въ эту оживленную картину. И тутъ меня поразило впечатлѣніе, которое потомъ уже не покидало во все время, проведенное на Святой горѣ. Послышались быстрыя, торопливыя восклицанія монаховъ: „Сюда! Держитесь! Подвиньтесь! Посвѣти, братъ Василиі! Отець Памва, еще немножко!“ и т. д. Но, несмотря на всю живость и поспѣшность этихъ рѣчей, въ нихъ было что-то особенное. Онѣ не только не подымались до крика, не только въ нихъ не звучало и тѣни раздраженія, или досады, но не было даже и простой небрежности, или отрыванія; торопящіеся голоса были неизмѣнно ласковы, чисты и свободны. Эти монахи, которыхъ мы вдругъ разбудили, оказались на этой пробѣ истинными монахами. И тоже самое вы замѣтите всегда и на всемъ Аѳонѣ, и въ монастыряхъ, и въ Кареѣ, и на дорогахъ въ лѣсу, и на лодкахъ у береговъ. Вездѣ, въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ господствуетъ совершенно безстрастіе и спокойствіе, которое при каждомъ удобномъ случаѣ переходитъ только въ радушіе и ласку. „Благословите!“ „Богъ васъ благословитъ“.

„Будьте благословенны!“ — такими привѣтствіями обмѣниваются на Аѳонѣ пѣшеходы и всадники, встрѣчающіеся на дорогѣ. Въ продолженіи двухъ недѣль я не слышалъ ни единого крика, ни единого сердитаго слова; эта удивительная тишина — прямое отраженіе и выраженіе душевнаго мира, поразила меня въ первый день, а потомъ плѣняла все больше и больше. Такъ живетъ весь полуостровъ, все его десяти тысячное населеніе. На первый-же день моего житія на Аѳонѣ меня поразила одна красота, общая всему Аѳону, обнимающая его со всѣхъ сторонъ, — море. Море видно было изъ оконъ той келліи, въ которой меня поселили, море свѣтилось въ огромныя окна новаго большого храма, гдѣ дали мнѣ мѣсто для стоянія на службахъ. Море есть великая красота, половина всѣхъ красотъ земли, и кто полюбилъ море, тому ничто замѣнить его

не можетъ. Безбрежная масса прозрачной, какъ кристаллъ, воды то тиха и весело волнуется, то грозна и неистово мечется; но при всякомъ своемъ движеніи и при всѣхъ перемѣнахъ дневного и ночного освѣщенія, она, въ силу своей чистоты, принимаетъ краски и оттѣнки удивительной нѣжности и силы. Уже отъ этого видъ моря есть истинная ласка для глазъ. Но я насладился и другими, особенными красотоми Аѳона. Дня черезъ два послѣ пріѣзда монахи сами предложили мнѣ то, чего мнѣ чрезвычайно хотѣлось, — сдѣлать поѣздку по Святой Горѣ. Такія поѣздки составляютъ здѣсь, очевидно, обыкновенное, привычное дѣло, и вотъ я въ теченіи моего пребыванія дважды покидалъ нашъ монастырь и странствовалъ по другимъ монастырямъ, а главное проводилъ цѣлые дни на дорогахъ и тропинкахъ, окруженный всею роскошью и прелестью Аѳонскихъ видовъ. Скажу прямо, что нигдѣ и никакое путешествіе не давало мнѣ столько живаго наслажденія, какъ эти поѣздки; никогда очи мои не были удовлетворены такою обильною и сладкою пищею. Многое тутъ зависѣло отъ самаго способа передвиженія. На Аѳонѣ почти вовсе нѣтъ колесныхъ дорогъ; вся ѣзда совершается верхомъ на мулахъ, животныхъ, которыя такъ драгоценны для всякихъ гористыхъ и бездорожныхъ мѣстъ. И, слѣдовательно, всякая поѣздка здѣсь совершается шагомъ, такъ что на часъ пути полагается не больше пяти верстъ. Ничего не можетъ быть лучше для того, кто желаетъ смотрѣть и видѣть. 3-го сентября, послѣ обѣдни, я и отецъ Григорій, котораго мнѣ дали въ проводники, сѣли на муловъ; погонщикъ — грекъ, служащій по найму въ монастырѣ, взялъ поводья моего мула и пошелъ впередъ; мы выѣхали за монастырь и пустились по ложбинѣ, которая шла въ гору и куда еще не заходили лучи солнца. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ я совершенно освоился со своимъ положеніемъ и оцѣнилъ всѣ его удивительныя удобства. Я сидѣлъ на мулѣ такъ-же спокойно, какъ на креслѣ, неподобное животное скоро заслужило мое полнѣйшее довѣріе. Управлять имъ нѣтъ надобности, опасаться за него было-бы непростительною мнительностью; какъ бы ни былъ крутъ подъемъ или спускъ, какими бы камнями, или

рытвинами ни была усѣяна тропинка, мулъ подыметя и спустится всегда ровнымъ шагомъ, и никогда нога его не обрвется, никогда не ступитъ на ненадежное мѣсто. Не только я могъ спокойно любоваться видами и разговаривать съ проводникомъ, но я раскрывалъ зонтикъ когда приходилось ѣхать по горячему солнцу.

Эти долгіе часы неизгладимо остались въ моей памяти. Какая красота! Теперь все у меня уже перемѣшалось, и я не могъ-бы ничего рассказать по порядку; но живо встаетъ передо мною вся эта роскошная и свѣтлая пустыня. Весь полуостровъ, тянущійся на восемьдесятъ верстъ, похожъ на запущенный садъ, густо заросшій, гдѣ только было можно. Южныя деревья съ ихъ живописною, темною зеленью, каштаны, дубы, платаны образуютъ по мѣстамъ высокіе вѣковые лѣса. Но вся мѣстность гористая, безпрестанно открываются поляны, холмы, скалы; морской берегъ то пологій, то обрывистый, вдругъ становится виденъ съ высоты, потомъ пропадаетъ и снова является, но уже съ другой стороны, а иногда, когда вы ѣдете по самому гребню, море разстилается передъ вами съ обѣихъ сторонъ. Никогда не забыть мнѣ утра, когда мы выѣхали изъ Симоно-Петри послѣ ночлега. Тропинка идетъ на огромной высотѣ надъ отвѣсными скалами, и было видно и слышно, какъ море плещетъ въ каменный берегъ. Боже мой, какой просторъ и свѣтъ, какая прозрачность и чистота всѣхъ очертаній, какой океанъ сіяющей красоты! Не даромъ же эту прекрасную пустыню съ древнѣйшихъ временъ выбрали для себя монахи. Извѣстно, что монахи вообще высоко цѣнить красоту природы. Вспомните мѣстоположеніе какого нибудь изъ монастырей у насъ на родинѣ; если взглядѣтся, то нельзя будетъ не согласиться, что мѣсто всегда выбрано съ самымъ тонкимъ и вѣрнымъ вкусомъ. Итакъ, радость очей, наслажденіе зрѣлищемъ природы находятся, очевидно, въ полной гармоніи съ самымъ чистымъ благочестіемъ, даже съ высшими духовными подвигами. Меня поразилъ въ этомъ отношеніи одинъ рассказъ инока Пареенія. Когда онъ пришелъ на Аѳонъ, то сталъ усердно спрашивать, кто тамъ больше всѣхъ

славится святостью жизни; ему сказали почти въ одинъ голосъ, что всѣхъ превосходитъ келіотъ Арсеній. Тогда Пареній пустился отыскивать его келью, добрался до нея и былъ имъ принятъ подъ руководство. Но вотъ, что онъ говоритъ о самой кельи: „Келлія стоитъ на горѣ, на возвышеніи, на открытомъ мѣстѣ, откуда видно почти всю восточную страну Св. Горы: на югъ—до самаго Аэона и весь Аэонъ, на сѣверъ—до монастыря Пантократора и до скита Богородицы; къ востоку, къ морю, подъ горой—монастырь Иверъ весь на открытіи; къ востоку же—и открытое великое море Архипелагъ, до самаго Дарданелльскаго пролива. Посреди моря синѣются четыре острова: Тась, Самоѳракъ, Имбро и Лемносъ; къ сѣверо-востоку синѣются горы Македонскія; съ прочихъ-же сторонъ келлія окружена лѣсами и холмами. Недалеко отъ келліи истекаетъ источникъ холодной и здоровой воды. Хотя келлія стоитъ яко свѣтильникъ на свѣщницѣ, на самой красотѣ, но въ самой почти непроходимой пустынѣ, такъ что ни съ которой страны къ ней подойти нельзя: ибо окружена горами и непроходимыми лѣсами. Хотя къ ней и есть тропинки, одна изъ-подъ горы, а другая съ горы, но и тѣ очень малы, такъ что съ трудомъ можно познать“.

Вотъ одинъ изъ аэонскихъ видовъ. Святой отшельникъ выбралъ для своихъ молитвъ глухое и пустынное мѣсто, но такое, съ котораго открывалась эта чудеснѣйшая панорама. Тутъ ему была готова постоянная радость; тутъ глаза его могли каждую минуту наслаждаться красотой Божьяго міра.

Въ этомъ отношеніи мѣстоположеніе нѣкоторыхъ аэонскихъ монастырей—поразительно. Вообще, всѣ эти монастыри построены тѣсно; вокругъ главнаго храма, посреди двора возвышаются со всѣхъ сторонъ корпуса келлій. Эти корпуса составляютъ вмѣстѣ и самую ограду монастыря; они бываютъ во много этажей,—до шести, семи, и поднимаются часто выше главъ срединаго храма; такимъ образомъ, изъ наружныхъ оконъ верхнихъ этажей открываются безподобные виды. Два монастыря: Діонисіатъ и Симоно-Петръ дошли въ этомъ исканіи свѣта и простора до послѣдней степени возможности.

Они построены на большой высотѣ почти отвѣснаго каменнаго берега, притомъ такъ, что стѣны келій, стоя на самомъ краю, сливаются съ обрывомъ берега. Симоно-Петръ, въ довершеніе всего, занимаетъ особо цѣлый круглый выступъ, который отдѣленъ отъ остальнаго берега порядочною рывиною; монастырь стоитъ какъ будто на отдѣльномъ пикѣ и составляетъ продолженіе этого пика кверху. Теперь вообразите поднимающіеся одинъ надъ другимъ этажи,—у Діонисіата пять, у Симоно-Петра, кажется, до восьми; снаружи вдоль каждаго этажа идутъ деревянные балконы, и вы можете спокойно по нимъ прогуливаться. Какой видъ! Море блеститъ и синѣетъ прямо подъ вами, а кругомъ необъятный просторъ, разубранный дальними островами и горами, и какъ рамка—лѣса и холмы, скалы и заливы аеонскаго полуострова. Мало того, по нѣкоторой изысканности въ этомъ наслажденіи чудные балконы обладаютъ особенностью, которой нельзя не замѣтить: между прекрасными и твердо укрѣпленными дубовыми досками половъ вездѣ оставлены щели, правильные промежутки, такъ что лазурный свѣтъ моря и его сверканіе, кажется вамъ, рвутся изъ-подъ самыхъ вашихъ ногъ...

Свѣтлою, радостною красотою осталась въ моей памяти Святая Гора. Но и обитатели ея, какъ ни мало я успѣлъ съ ними познакомиться, оставили во мнѣ впечатлѣніе людей свѣтлыхъ и радостныхъ. Противъ монашеской жизни, какъ извѣстно, существуютъ упорныя и глубокія предубѣжденія. Мірскіе люди нынче построили всю свою жизнь на такихъ началахъ, что потеряли возможность даже понять, что дѣлаютъ монахи. Между тѣмъ, сами монахи считаютъ грѣхомъ, если подвергаются чувству унынія и тоски, и они стараются прогнать отъ себя такія чувства. А главное, они считаютъ свою жизнь по самому ея существу блаженною жизнью, исполненною лучшихъ радостей, доступныхъ человѣку на землѣ. Возьмите письма Святогорца, а еще лучше странствіе инока Пароенія, и вы убѣдитесь несомнѣнно, неопровержимо, что жизнь истиннаго монаха исполнена высокихъ радостей, что монахи сердечно любятъ всю свою

обстановку, всё свои упражненія и дѣйствительно считаютъ себя несравненно благополучнѣе всякихъ мірскихъ людей. Неправильное мнѣніе о жизни монаховъ, мнѣ кажется, происходитъ отъ двухъ причинъ: отъ ложнаго понятія объ ихъ трудахъ. Кто былъ на Аѳонѣ, кто испыталъ ласковое радушіе аѳонскихъ старцевъ, ихъ неистощимую доброту, тотъ никогда не приметъ ихъ за людей, удрученныхъ тоскою или скукою. Другого я, впрочемъ, и не ждалъ; я зналъ и прежде, что чистая веселость есть обыкновенная черта отшельниковъ. Уже о первомъ изъ монаховъ, объ Антоніи Великомъ, Аѳанасій пишетъ, что хотя онъ былъ невзраченъ, но лицо его сіяло такою необычайною пріятностью, такъ было „весело отъ душевной радости“, что по этому одному всякій узнавалъ Антонія, какое бы множество монаховъ ни было кругомъ. Итакъ, ясныя лица многихъ монаховъ и ихъ веселые разговоры не удивляли меня; но все же были случаи, особенно замѣтные. Когда въ праздникъ 8-го сентября игумень пригласилъ всѣхъ на чай въ большой архонтарикъ, мнѣ случилось остановиться возлѣ группы греческихъ монаховъ. Одинъ изъ нихъ, сѣдой восьмидесятилѣтній старикъ, высокаго роста, неожиданно сталъ обнимать меня, ласково глядя мнѣ въ лицо и трепля рукою по спинѣ, и все время довольно громко смѣялся отъ всей души. Этотъ простодушный привѣтъ былъ мнѣ чрезвычайно пріятенъ; потомъ мнѣ сказали, что старецъ, которому я, вѣроятно, чѣмъ-нибудь понравился, былъ въ большомъ уваженіи у всей нашей обители. Другой монахъ, удивившій меня своимъ постояннымъ смѣхомъ, былъ тоже грекъ игумень, если не ошибаюсь, Діонисіата. Мы остановились у него въ монастырѣ, и пока насъ угощали по его распоряженію, онъ пустился спрашивать меня про Россію и политическія дѣла и отъ начала до конца весело улыбался, перебирая свои четки. Между нашими монахами большая часть были видимо добродушны, но особенно былъ ясенъ лицомъ и радостенъ въ разговорахъ отецъ А., съ которымъ я, можно сказать, подружился. Онъ заходилъ не разъ ко мнѣ въ келью и иногда посылалъ при этомъ случаѣ попросить вина у отца гостинника; такъ мы бесѣдовали, — я пилъ кофе съ турецкою

гущею, а онъ—красное вино. Все это пишу для того, чтобы показать, что самые почтенные и високо стоящіе изъ монаховъ чужды всякой чопорности и что въ ихъ положеніи они вовсе не чувствуютъ какого-то мрака и удрученія, или какой-нибудь связанности; эта жизнь, повидимому, такая искусственная, стала для нихъ совершенно естественною и нисколько не стѣсняетъ ихъ души. Добросердечнѣйшій отецъ А. былъ на счету самыхъ строгихъ и образцовыхъ монаховъ.

Свободнаго времени у нихъ почти нѣтъ. Для своего главнаго дѣла, для молитвы, они должны присутствовать на всѣхъ церковныхъ службахъ, а службы эти, вмѣстѣ взятыя, занимаютъ двѣнадцать, пятнадцать, иногда двадцать часовъ въ сутки. Служащіе, причащающіеся (а всѣ причащаются разъ, или два въ недѣлю), читаютъ сверхъ того еще особыя молитвы. Вслѣдствіе этого, обыкновенно монахи не имѣютъ семи или восьми часовъ подъ рядъ свободныхъ, чтобы выспаться, и потому спятъ мало, или высыпактся въ два, или три приѣма. И такъ идетъ дѣло круглый годъ, изо дня въ день. Праздники отличаются только тѣмъ, что службы бывають торжественнѣе и продолжительнѣе и что всенощное бдѣніе, начинающееся въ будни въ первомъ часу ночи, начинается подъ праздникъ съ семи часовъ вечера, кончается, какъ и всегда, къ пяти часамъ утра.

Вотъ главное занятіе монаховъ, вотъ ихъ постоянные и непрерывные труды. Ни одна сторона аѳонской монашеской жизни не приводитъ мірскихъ людей въ такое изумленіе, какъ эта.

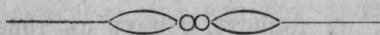
Въ монастырѣ мнѣ была предоставлена, разумѣется, полная свобода занятій и проважденія времени, и сначала я придерживался того порядка, въ которомъ привыкъ проводить свой день. Но съ перваго-же дня я, конечно, сталъ посѣщать церковныя службы, хотя и не всѣ, хотя часто приходилъ не къ началу и уходилъ далеко раньше конца. Скоро, однако, равномерно бьющійся пульсъ монастырской жизни сталъ мнѣ ясно замѣтенъ и сталъ увлекать меня за собой. Сидя въ своей кельѣ, я чувствовалъ, когда монастырь спалъ среди дня и когда онъ

просыпался и шелъ въ свои церкви. Кругомъ наступала полная тишина и безлюдье, и слабо доносилось съ разныхъ сторонъ церковное пѣніе. Когда, такимъ образомъ, совершенно ясно чувствовалось, что всѣ тамъ, всѣ стоятъ по своимъ формамъ, или священнодѣйствуютъ, невозможно было оставаться одному въ своей кельѣ. Я шелъ туда, гдѣ были всѣ, и становился въ форму. И много-много отрадныхъ часовъ провелъ я въ этой формѣ. Особенно любилъ я всенощныя съ тѣми перемѣнами въ освѣщеніи, въ пѣніи, и чтеніи, которыя на Аѳонѣ производятся съ такою выразительностью и красотой. Сперва служеніе долго идетъ равномерно; но потомъ освѣщеніе усиливается отъ незамѣтно зажигаемыхъ свѣчей, и два хора начинаютъ попеременно пѣть торжественныя молитвы. Выносятся свѣчи на средину церкви, выходятъ изъ алтаря іереи въ ризахъ и тоже хоромъ начинаютъ пѣть. Вся церковь полна свѣтомъ и звучитъ пѣніемъ; иногда зажигается и громадное среднее паникадило. Но понемногу торжество стихаетъ; пѣвчіе замолкаютъ, іереи уходятъ въ алтарь, свѣчи и паникадило незамѣтно гаснутъ, и церковь постепенно погружается во мракъ и молчаніе. Только посредиѣ, въ темнотѣ, монахъ съ тоненькою восковою свѣчою въ рукѣ читаетъ вслухъ книгу, пригибая свѣчу къ самой страницѣ. Проходитъ полчаса, часть, чтеніе кончено, снова начинается моленіе, начинаютъ откликаться хоры, загораться свѣчи и лампы, и славословіе растетъ все громче и громче, и свѣта все больше и больше. Великое извѣщество соблюдено въ церковныхъ службахъ, и я коснулся здѣсь только самыхъ простыхъ и внѣшнихъ его сторонъ.

Такъ живутъ аѳонскіе монахи. Они живутъ въ церкви, на молитвѣ, потому что остальное ихъ время и другія дѣла совершенно незначительны въ сравненіи съ этимъ дѣломъ. Можно сказать, что, если они достигаютъ возможности истинно молиться, истинно благоговѣть предъ священнодѣйствіями, то они живутъ блаженною жизнью. Такъ мы воображаемъ ангеловъ, такъ мы представляемъ себѣ, что сонмы ихъ постоянно предстоятъ предъ Богомъ и не сводятъ своихъ взоровъ съ лица Божія. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія, что если есть мо-

нахи, съ борьбой и трудомъ подымающіеся на высоту этой жизни, то есть не мало другихъ, въ которыхъ это уподобленіе ангеламъ вполне осуществляется, и тогда, что можетъ быть блаженнѣе?

Эти непрерывныя молитвы неразлучно связались въ моей памяти съ мыслью объ Аѳонѣ. Когда я вспомню о своей поѣздкѣ и о любезныхъ моихъ монахахъ, я не могу ихъ себѣ представить иначе, какъ въ церкви, за молитвой. Тамъ, за дальними морями, на свѣтломъ югѣ, въ цвѣтущей своей пустынѣ, они стоятъ въ большихъ и малыхъ храмахъ, съ лицами и сердцами, обращенными къ Богу. Когда бы я ни вспомнилъ о нихъ, утромъ, или вечеромъ, или ночью, я знаю, что они дѣлаютъ. И вотъ уже тысяча лѣтъ, какъ восемь или десять тысячъ этихъ монаховъ совершаютъ эти непрерывныя молитвы, которыхъ я былъ очевидцемъ. При такихъ воспоминаніяхъ, при картинѣ, возникающей въ моемъ воображеніи, умиленіе неотразимо проникаетъ въ душу, и пробуждается то чувство, которое такъ ярко горитъ на Аѳонѣ,—жажда молитвы.

ИЗЪ ИНОЕПАРХІАЛЬНЫХЪ СООБЩЕНІЙ.

I. Поразительный случай изъ современной пастырской практики—рассказанъ въ Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Въ городѣ Ж. болѣе двадцати лѣтъ проживалъ уважаемый всею округою, пользовавшійся всеобщимъ довѣріемъ за свое добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, занимавшій видный и отвѣтственный постъ. П. И. К.

Нѣкоторые изъ знавшихъ его и имѣвшихъ въ немъ надобность по разнымъ дѣловымъ операціямъ были увѣрены, что онъ лютеранинъ: въ церкви его никогда не видали; въ канцеляріи у него весьма часто можно было встрѣтить являвшихся по дѣлу нѣмцевъ-колонистовъ, съ которыми онъ свободно говорилъ на ихъ родномъ языкѣ.

И вотъ въ половинѣ минувшаго м. февраля, въ квартирѣ одного изъ мѣстныхъ священниковъ, въ 12 часу ночи, раздается звонокъ: явились просить къ умирающему К., чтобы помолиться у его болѣзненнаго одра. Священникъ выражаетъ удивленіе, что К. православный, —высказываетъ это вслухъ предъ явившимся приглашать къ больному, но тотъ увѣряетъ, что больной рожденъ въ православной вѣрѣ и считается принадлежащимъ къ православной церкви, но что онъ человѣкъ, въ молитвы церкви не вѣрующій и обрядовъ церкви и церковнаго богослуженія не признающій; въ теченіи послѣднихъ двадцати, приблизительно, лѣтъ онъ ни разу не обращался къ молитвамъ церкви въ своихъ духовныхъ нуждахъ; теперь онъ болѣе сутокъ находится въ безсознательномъ состояніи, заболѣлъ нѣсколько дней тому назадъ инфлуэнцой, осложнившейся потомъ воспаленіемъ легкихъ; лѣчать его лучшіе врачи города, и сейчасъ у его постели находится два врача, по мнѣнію которыхъ больной не подаетъ никакой надежды на выздоровленіе; въ состояніи полнаго сознанія больной не допустилъ бы къ себѣ священника: „да и теперь рѣшились“, добавилъ прибывшій за священникомъ, „пригласить васъ, батюшка, не ради умирающаго, —ему ужъ все равно, онъ безъ сознанія, а ради душевнаго умиротворенія родныхъ, окружающихъ больного; они-то и желаютъ, чтобы около больного помолился православный священникъ; пусть умретъ сопутствуемый молитвами, родной ему въ годы его дѣтства и юности Церкви“.

Священникъ счелъ своимъ долгомъ взять съ собою все необходимое для напутствованія умирающаго, взялъ и Св. Дары. Не вѣрилось, чтобы человѣкъ, готовящійся предстать на судъ Божій, но не принешиій покаянія, остался въ послѣдніе часы жизни безъ просвѣтлѣнія разума. По пути къ больному священникъ отъ сопровождавшаго его узналъ, что умирающій—человѣкъ души необычайно доброй, чуткой къ горестямъ человѣческимъ, жизни безупречной; зарабатывая въ годъ 15 тысячъ рублей, весь свой заработокъ онъ употреблялъ на вспомошествованіе бѣднымъ—и роднымъ и чужимъ; что не рѣдко онъ творилъ доброе дѣло, о которомъ никто изъ близ-

кихъ его и не подозрѣвалъ; что вотъ онъ въ Бога-то какъ будто не вѣровалъ, но въ остальномъ онъ человѣкъ, достойный полнаго уваженія. Приѣзжаетъ священникъ къ больному; на вопросъ, — живъ-ли больной, отвѣчаютъ: „живъ, но въ сознание не приходилъ и не приходитъ“. Священникъ идетъ въ комнату умирающаго, тамъ у постели больного были два врача, было еще нѣсколько человѣкъ, которымъ, надо думать, дорогъ былъ умирающій, въ томъ числѣ и родственники. Послѣ общаго привѣтствія къ присутствующимъ, священникъ спросилъ — въ какомъ положеніи больной. Врачи отвѣчали: „безъ сознания, ничего не понимаетъ, въ полномъ бреду“. Священникъ подошелъ къ постели, на которой лежалъ больной, на спинѣ, откинувши въ стороны руки; воротъ сорочки былъ растергнутъ; видно было, что больному не доставало воздуха; онъ бредилъ въ слухъ, говорилъ невнятно, но громко, повидимому все о дѣлахъ, которыя занимали больного, когда онъ былъ здоровъ; слышны были и нѣмецкія фразы; глаза больного были закрыты. Священникъ зажегъ восковую свѣчу, положилъ правую руку на голову больного и, назвавши его по имени и отчеству, тихо, но внятно спросилъ: „не желаете ли помолиться Богу?“ Больной открылъ глаза; блуждающій взглядъ остановился на священникѣ; и вотъ въ глазахъ стало проявляться сознание, и больной слабымъ голосомъ проговорилъ: „ахъ, это батюшка! Какъ хорошо, что вы пришли! Очень хочу помолиться. Помолитесь, батюшка!“ Священникъ возложилъ на себя епитрахиль и, съ восковой свѣчей въ рукахъ, у изголовья больного сталъ читать молитвословія, положенныя при напутствованіи умирающихъ. Больной отчетливо сталъ повторять за священникомъ обычныя, всякому православному христіанину извѣстныя, начальныя молитвы. А когда священникъ приступилъ къ чтенію нарочитыхъ молитвъ при напутствованіи больныхъ, — молитвъ, больному незнакомыхъ, послѣдній въ это время устремилъ вполне сознательный взоръ свой на висящую въ ногахъ его кровати, на стѣнѣ, икону и внималъ тому, что читалъ священникъ. Окончилось чтеніе приготовительныхъ предъ исповѣдью и причащеніемъ больного молитвъ; священ-

никъ попросилъ присутствовавшихъ выйти изъ комнаты умирающаго. Близко наклонившись къ больному, священникъ спросилъ его: „не желаете ли исповѣдываться и причаститься Святыхъ Таинъ?“ Больной отвѣчалъ: „очень бы хотѣлъ, батюшка. Давно я не исполнялъ этого святаго дѣла. Но почему вы мнѣ предлагаете? Развѣ я умираю?“ — „Нѣтъ, другъ мой. Я не смерть вамъ принесъ, а небесное лѣкарство. Земныхъ врачей около васъ много, пусть они дѣлаютъ свое дѣло; врачебная наука отъ Бога, я предлагаю вамъ обратиться теперь къ небесному Врачу“. „Хорошо, батюшка. Я хочу исповѣдываться и причаститься Святыхъ Таинъ“. Больной исповѣдалъ грѣхи свои. Приступая къ причащенію больного, священникъ спросилъ послѣдняго, можетъ ли онъ подняться, присѣсть. Тотъ отвѣчалъ: „нѣтъ, батюшка, я очень слабъ, прошу причастить меня въ этомъ положеніи“. Священникъ причастилъ. Больной благоговѣйно принялъ Святые Дары, принялъ потомъ и приготовленную теплоту и набожно перекрестился. „Поздравляю васъ съ принятіемъ Святыхъ Таинъ“, сказалъ священникъ: „пусть это причащеніе будетъ вамъ во исцѣленіе души и тѣла“. Дай Богъ, батюшка. Очень бы желалъ еще пожить, поработать для бѣдныхъ и сиротъ, да врядъ ли: вѣдь мнѣ уже не мало и лѣтъ (ему 62 годъ), да и болѣзнь моя тяжелая“. Священникъ ободрилъ и успокоилъ больного, посовѣтывалъ ему, если выздоровѣетъ, непременно придти въ церковь, возблагодарить Бога за Его милость къ нему. „Да, непременно, батюшка, приду. Даю вамъ обѣщаніе. Благословите меня, батюшка, дайте я васъ поцѣлую на прощаніе; благодарю васъ, батюшка, спаси васъ Богъ за то, что вы пришли ко мнѣ“. Больной, дотолѣ не могшій самъ двинуться и подняться, обхватилъ руками священника и крѣпко поцѣловалъ его. Священникъ благословивъ затѣмъ больного, отправился домой. Изумленіе и ужасъ объяли всѣхъ присутствовавшихъ. Радость наполнила сердца родныхъ: больной, который въ теченіи многихъ лѣтъ не чувствовалъ потребности въ общеніи съ церковію: больной, относительно котораго близко знавшіе его и близкіе ему люди были увѣрены, что онъ въ состояніи

сознанія не допустить къ себѣ священника; больной, къ которому рѣшились пригласить священника только потому, что этотъ больной и чувствовать не будетъ этого, ибо былъ безъ сознанія долгое время, что въ молитвахъ церкви чувствовали потребность окружающіе больного, а не самъ больной,—и этотъ-то больной, когда пришелъ къ нему служитель Божій, вдругъ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, въ томъ числѣ и врачей, просвѣтлѣлъ разумомъ и истинно по-христіански исполнилъ послѣдній долгъ христіанина, исповѣдался и причастился Святыхъ Таинъ такъ искренно, чистосердечно и благоговѣйно, какъ дай Богъ всякому, неуклонно вѣрующему христіанину. Когда священникъ уходилъ отъ умирающаго, выбѣжалъ въ прихожую фельдшеръ (еврей) и съ изумленіемъ произнесъ: „Батюшка, да что же это такое? Вѣдь больной былъ предъ вашимъ приходомъ долгое время безъ сознанія и никакъ нельзя было ожидать, что онъ придетъ въ сознаніе!“ Священникъ отвѣтилъ: „невозможное людямъ, возможно Богу“. Достоинно вниманія, что больной послѣ ухода священника опять впалъ въ забытіе, и въ сознаніе уже не приходилъ до самой смерти; послѣдовавшей въ 9 часу утра. Кто-то изъ родныхъ, тотчасъ по уходѣ священника, хотѣлъ воспользоваться пробужденіемъ сознанія дорогого больного и поговорить съ нимъ. Но больной отклонилъ, сказавъ: „если только разговоръ будетъ о дѣлахъ, то оставь до утра“. И послѣ этого сознаніе помрачилось. Поистинѣ Богъ, *не хотѣя смерти грѣшника, но еже обратится и живу быти ему, домо терпитъ на насъ, не хотя да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе придутъ* (2 Петр. 3, 9).

II. Екатеринославскія Епархіальныя Вѣдомости сообщаютъ о слѣдующей попыткѣ штундистовъ обойти законъ, признающій штундизмъ особо вредной сектой:

Какъ извѣстно, штундизмъ Высочайше утвержденнымъ 4 іюля 1894 г. положеніемъ Комитета Министровъ и циркуляромъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 3 сентября 1894 г.

за № 24, признанъ особо вредной сектой съ воспрещеніемъ общественныхъ молитвенныхъ собраний, исключая домашнихъ. Но дабы избѣжать уголовного преслѣдованія за общественныя богомоленія, штундисты, особенно въ послѣднее время, всѣми силами ухищряются укрыться отъ дѣйствія закона о штундизмѣ подъ плащъ нѣмецкаго баптизма и на судѣ настойчиво заявляютъ, что они къ сектѣ штундистовъ не принадлежатъ, а исповѣдуютъ вѣроученіе баптистовъ, которымъ закономъ 27 марта 1879 года общественныя молитвенныя собранія не воспрещаются. Такое ложное заявленіе сбивало съ толку судебныя власти и штундисты къ соблазну православныхъ оставались безнаказанными. Въ виду такого положенія дѣла г. Министръ Юстиціи издалъ циркуляръ на имя судебныхъ учреждений отъ 3 апрѣля 1900 г. за № 10682, въ которомъ говорилось, что „изъ сообщенныхъ Министерству Юстиціи Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода свѣдѣній усматривается, что послѣдователи русской секты штунды, ранѣе уже неправильно присваивавшіе себѣ названіе баптистовъ, въ послѣднее время, по изданіи Высочайше утвержденнаго 4 іюля 1894 года положенія Комитета Министровъ, особенно настойчиво стали именовать себя баптистами, не подходящими подъ дѣйствіе вышеуказаннаго закона, и, вводя этимъ путемъ въ заблужденіе судебныя власти, избѣгаютъ иногда уголовной отвѣтственности за устройство общественныхъ молитвенныхъ собраний“. Въ концѣ циркуляра г. Министръ Юстиціи предлагаетъ „гг. предсѣдателямъ судебныхъ мѣстъ принять зависящія мѣры къ тому, чтобы бездоказательныя заявленія обвиняемыхъ о принадлежности ихъ къ штундистской сектѣ, въ особенности когда они прикрываются именемъ баптизма, признаваемаго нашимъ законодательствомъ только за послѣдователями нѣмецкой протестантской секты, не принимались безъ тщательной провѣрки въ тѣхъ предѣлахъ и тѣмъ способомъ, какъ то окажется возможнымъ и необходимымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. „Этотъ циркуляръ г. Министра Юстиціи, а равно изданные по сему поводу циркуляры Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 11 и 17 мая 1900 г. ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что русскимъ законодательствомъ

право общественнаго богомоленія предоставлено вѣроисповѣданію нѣмецкихъ баптистовъ, а не русскимъ штундистамъ, прикрывающимся именемъ баптизма. Между тѣмъ изъ судебныхъ процессовъ усматривается, что судебныя власти, разсматривая протоколы полиціи по поводу общественныхъ богомоленій штундистовъ, одинъ разъ выносятъ обвиняемымъ обвинительный приговоръ, а другой разъ—оправдательный. Такъ было съ штундистами деревни Васильевки Волосскаго прихода Екатеринбургскаго уѣзда, судебный процессъ которыхъ тянулся въ продолженіе двухъ лѣтъ и окончился недавно, благодаря вмѣшательству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Обстоятельства дѣла таковы.

1899 года 30 ноября земскій начальникъ 3-го участка Екатеринбургскаго уѣзда М. Н. Черкасовъ привлекалъ къ ответственности по 26 ст. уст. о наказаніяхъ штундистовъ крестьянъ д. Васильевки въ числѣ 35 человекъ *) за устройство общественныхъ молитвенныхъ собраній вопреки запрещеніямъ сельской и уѣздной полиціи. Разсмотрѣвъ шесть полицейскихъ протоколовъ, выслушавъ показанія свидѣтелей, удостоверившихъ, что на собраніяхъ штундисты пѣли псалмы изъ „Голоса Вѣры“, толковали Слово Божіе въ духѣ лже-ученія секты, преклоняли колѣна съ произнесеніемъ вдохновенныхъ молитвословій, допросивъ въ качествѣ свидѣтеля предсѣдателя Волосскаго миссіонерскаго комитета священника С. Гладченко, который, указавъ различіе между русскимъ штундизмомъ и нѣмецкимъ баптизмомъ, разъяснилъ, что наши штундисты именуютъ себя баптистами только для того, чтобы избѣгать законной кары за общественныя богомоленія, земскій начальникъ, не смотря на то, что обвиняемые во время разбора дѣла упорно называли себя баптистами и отъ званія штундистовъ отрекались, призналъ обвиненіе доказаннымъ и 35 крестьянъ д. Васильевки были присуждены къ штрафу по 18 руб. съ каждаго или, въ случаѣ несостоятельности, къ 3-хъ дневному аре-

*) Въ газетахъ «Бирж. Вѣдом.» № 232 и «Приднѣпровскомъ Краѣ» № 1256 за 1101 г. ошибочно напечатано 85 человекъ. Въ д. Васильевкѣ всѣхъ сектантовъ обоего пола числится около 60 душъ.

сту. Обвиняемые этимъ приговоромъ остались недовольны и принесли апелляціонныя жалобы въ Екатеринославскій уѣздный сѣздъ, объясняя, что они исповѣдуютъ вѣроученіе баптистовъ, которымъ общественныя молитвенныя собранія закономъ не воспрещаются, и, представивъ свое письменное вѣроученіе, ходатайствовали объ отмѣнѣ постановленія земскаго начальника.

1900 г. 29 апрѣля Екатеринославскій уѣздный сѣздъ, разсмотрѣвъ жалобу обвиняемыхъ, прочитавъ ихъ письменное вѣроученіе, допросивъ въ качествѣ свидѣтеля члена Волосскаго миссіонерскаго комитета священника Н. Назаревскаго и другихъ лицъ, выслушавъ заключеніе эксперта епархіальнаго миссіонера А. Я. Дородницына, нашелъ, что заявленіе обвиняемыхъ о томъ, что они принадлежатъ къ сектѣ баптистовъ лишено достаточнаго основанія и вызвано желаніемъ воспользоваться закономъ 27 марта 1879 г., которымъ нѣмецкимъ баптистамъ не воспрещается собираться для общественныхъ богомоленій. Основаніемъ для такого заключенія сѣзда послужили слѣдующія обстоятельства. Въ письменномъ вѣроученіи обвиняемыхъ нѣтъ отличающаго баптизмъ отъ другихъ рационалистическихъ сектъ обряда омовенія ногъ, нѣтъ указанія на существованіе религіознаго общенія между обвиняемыми и нѣмцами баптистами, проживающими въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, и что на общественныхъ богомоленіяхъ обвиняемыхъ нѣмцы баптисты никогда не присутствовали въ качествѣ проповѣдниковъ. Въ виду сего сѣздъ заключилъ, что обвиняемые къ сектѣ баптистовъ не принадлежатъ. Далѣе, на основаніи свидѣтельства мѣстнаго священника и заключенія эксперта выяснилось на судѣ, что сектанты только въ послѣднее время стали настойчиво именовать себя баптистами, а ранѣе назывались штундистами, что обвиняемые отрицаютъ необходимость св. таинствъ православной церкви, обрядовъ, толкуютъ произвольно Слово Божіе, вытравливаютъ въ сердцѣ и сознаніи своихъ послѣдователей начала народности и государственности, не подчиняются законамъ Царя земного, если они противорѣчатъ законамъ Царя Царей, говорятъ, что не нужно поднимать оружія на врага, а посему сѣздъ нашелъ, что вѣроу-

ченіе обвиняемыхъ сектантовъ есть ересь, еменуемая штундою, приговоръ земскаго начальника призналъ правильнымъ и утвердилъ, несмотря на то, что товарищъ прокурора окружнаго суда въ своей пространной рѣчи старался доказать, что обвиняемые къ сектѣ штундистовъ не принадлежатъ. Обвиняемые по сообщенію „Придѣпровскаго Края“ на приговоръ уѣзднаго сѣзда принесли кассационный отзывъ Екатеринославскому губернскому присутствію, а товарищъ прокурора окружнаго суда — кассационный протестъ, ходатайствуя объ отмѣнѣ приговора сѣзда.

Губернское присутствіе, находя, что объясненіе эксперта, епархіальнаго миссіонера, имѣетъ характеръ свидѣтельскаго показанія и, согласно законамъ, не можетъ имѣть для суда рѣшающаго значенія и что вообще свидѣтельскія показанія миссіонера и священника не могутъ служить достаточнымъ матеріаломъ для доказательства принадлежности обвиняемыхъ къ штундѣ, приговоръ сѣзда признало неправильнымъ, опредѣлило отмѣнить его и дѣло для новаго разсмотрѣнія препроводить въ Павлоградскій уѣздный сѣздъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1901 года Павлоградскій уѣздный сѣздъ, разсмотрѣвъ дѣло, всѣхъ подсудимыхъ оправдалъ.

Такой оправдательный приговоръ былъ встрѣченъ обвиняемыми съ великою радостію. Штундисты — мнимые баптисты торжествовали, заручились копіей упомянутаго приговора, отпечатали ее въ тысячахъ экземпляровъ и разослали своимъ единовѣрцамъ, проживающимъ не только въ предѣлахъ Екатеринославской губерніи, но и далеко за предѣлами ея.

Православные д. Васильевки неоднократно заявляли намъ, что ихъ односельчане штундисты посятятся вездѣ съ копіей приговора и соблазняютъ православныхъ, говоря: „По Указу Его Императорскаго Величества Павлоградскій уѣздный сѣздъ оправдалъ насъ... и что насъ преслѣдуютъ только полиція да попы, а судъ и законъ разрѣшаютъ намъ баптистамъ собираться на общественныя богомоленія и что отнынѣ ограниченія, относящіяся къ штундизму, ихъ не касаются“. Въ виду сего заявленія, сельскія власти д. Васильевки, не взирая на неодно-

кратныя приказанія полицейскаго станового пристава не дозволять штундистамъ устраивать общественныя богомоленія, бездѣйствовали и не доносили о собраніяхъ сектантовъ ни уряднику, ни приставу. Но торжество штундистовъ недолго продолжалось. Правда восторжествовала. Недавно Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ сообщилъ намъ земскій начальникъ М. В. Ивановъ, потребовало къ себѣ на разсмотрѣніе всю переписку по дѣлу штундистовъ д. Васильевки и, разсмотрѣвъ ее, отмѣнило рѣшеніе Екатеринбургскаго губернскаго присутствія. По поводу судебного процесса штундистовъ д. Васильевки недавно мы прочитали въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ № 232 за 1901 г.) слѣдующую краткую и интересную замѣтку. Теперь, говоритъ газета, отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ послѣдовала весьма интересное разъясненіе по этому дѣлу. Министерство находитъ, что законъ 27 марта 1897 г. право общественаго богомоленія даровалъ свободному вѣроисповѣданію нѣмецкихъ баптистовъ, какъ-то должно усматриваться и изъ циркуляровъ Министерства 11 и 17 мая 1900 г. Баптистовъ русскихъ, съ точки зрѣнія закона, не можетъ быть. Такіе баптисты только именуютъ себя ими, на дѣлѣ же они принадлежатъ къ штундѣ. Рѣшеніе губернскаго присутствія подлежитъ поэтому отмѣнѣ, и 35 крестьянъ должны будутъ понести кару“. Въ настоящее время подсудимые сектанты д. Васильевки уже понесли заслуженное наказаніе; состоятельные уплатили денежный штрафъ, а несостоятельные препровождены въ арестный домъ.

Итакъ, штундисты понесли кару, а „копія съ копій“ приговора Павлоградскаго уѣзднаго съѣзда распространены вездѣ и свидѣлствуютъ, соблазняя православныхъ, что сектанты д. Васильевки оправданы и признаны баптистами. Такіе оправдательные приговоры часто соблазняютъ и многихъ неопытныхъ миссіонеровъ. Какъ извѣстно намъ изъ миссіонерской практики, штундисты на публичныхъ собесѣдованіяхъ часто показываютъ о.о. миссіонерамъ копіи оправдательнаго приговора и просятъ не приглашать ихъ на бесѣды на томъ основаніи, что они, какъ значитъ въ приговорѣ, баптисты, которымъ зако-

номъ предоставлено право свободнаго вѣроисповѣданія. Намъ извѣстенъ одинъ молодой о. предсѣдатель миссіонерскаго комитета, который, когда ему на публичномъ собесѣдованіи штундисты преподнесли подобный оправдательный приговоръ, забилъ тревогу и, обладая ревностію пр. Или и сыновъ Заведеевыхъ, потребовалъ вмѣшательства полиціи, составленія протокола якобы за подпольное распространеніе приговора и преданія судебной власти. Въ концѣ концовъ о. миссіонеръ потерпѣлъ фіаско, православные остались въ недоумѣніи, а штундисты злорадствовали.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОЛЕЗНАЯ КНИГА.

Минеи-Четы на русскомъ языкѣ. Книга первая (сент.) Изданіе Московской Синодальной Типографіи 1902 г. XXXI+677 стр.
Ц. 1 руб. 85 коп.

Въ маѣ м. 1900 г. Св. Синодомъ было разрѣшено Московской Синодальной Типографіи приступить къ первому изданію Минеи-Четы на русскомъ языкѣ, въ удовлетвореніе настоятельной потребности въ такого рода изданіи. Первый томъ этого общирнаго изданія уже отпечатанъ и выпущенъ въ продажу. Коммиссія, много поработавшая въ этомъ святомъ дѣлѣ, имѣла счастье поднести первую книгу своего труда Государю Императору. На всеподданнѣйшей запискѣ Коммиссіи послѣдовала слѣдующая Высочайшая резолюція: *„Выражаю Мое полное одобреніе всѣмъ, принимавшимъ участіе въ составленіи и печатаніи первого выпуска Житій Святыхъ. Изданіе это дѣлаетъ честь Московской Синодальной Типографіи“*. По справедливому замѣчанію въ отдѣлѣ „библіографія“ журнала „Вѣра и Церковь“ (1902 г., кн. 3, стр. 501), эта всемилостивѣйшая резолюція Его Императорскаго Величества „должна служить высшей наградой труженикамъ и непререкаемымъ свидѣтельствомъ о значеніи книги для православно-русскихъ людей“.

Русскимъ Четьи-Минеямъ предшествуетъ *введение*, въ которомъ данъ краткій историческій очеркъ повѣствованій и записей о жизни и дѣяніяхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ (XXXI стр.).

Всѣхъ житій святыхъ въ первой (сентябр.) книгѣ въ русскихъ Минеяхъ-Четьихъ 185, и 12 повѣствованій о праздникахъ и памятяхъ. Въ основу положены Четьи-Минеи святителя Димитрія, митрополита Ростовскаго. Безсмертное твореніе это передано въ переводѣ съ славянскаго на прекрасный русский языкъ, но безъ фотографической точности взятаго оригинала, а равно безъ свободнаго (нежелательнаго) отношенія къ перелагаемому подлиннику. Къ каждому въ отдѣльности житію присоединены тропари (кромѣ общихъ) и кондаки, набранные славянскимъ шрифтомъ. По-славянски же набраны и изреченія свящ. Писанія, приводимыя въ житійныхъ разказахъ. Въ дополненіе къ Четьи-Минеямъ св. Димитрія Ростовскаго взяты сказанія изъ „Пролога“ въ тѣхъ случаяхъ, когда у святителя Димитрія указана только память святаго, а житія его нѣтъ. Агіографическій матеріалъ изъ житій русскихъ святыхъ составленъ по указаніямъ профессора Московской духовной академіи и университета В. О. Ключевскаго. Въ сентябрьской книгѣ русскихъ Минеихъ-Четьихъ мы читаемъ житіе святителя Димитрія, митрополита Ростовскаго и чудотворца (на 21 сент.), Никандра Псковскаго (24 сент.) и др. мѣстно-чтимыхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Дополненіями въ новомъ изданіи Четьи-Миней являются еще объяснительныя къ тексту подстрочныя примѣчанія. Эти примѣчанія кратки, но они необходимы и понятны для того обширнаго круга читателей (стѣ школьника и простолюдина до образованнаго человѣка), для которыхъ Минеи-Четьи предназначаются.

Обращаютъ также вниманіе помѣщенныя въ книгѣ изображенія святыхъ (78) и праздниковъ (6). Исполненіе рисунковъ поручено было Московской Синодальной Типографіей извѣстному Московскому иконописцу Ѳ. А. Соколову, а клише изготовлены въ художественной мастерской „Ангереръ и Гешль“, въ Вѣнѣ. Эти изображенія, какъ совершенно иконописныя, при томъ исполненныя въ строго православномъ духѣ, признаны авторитетными лицами въ великомъ художественномъ дѣлѣ лучшими иконописными подлинниками.

Нельзя обойти молчаніемъ и внѣшней стороны изданія, рассматриваемаго нами. Эта сторона дѣла не оставляетъ желать ничего лучшаго: четкій крупный шрифтъ, плотная бу-

мага, вообще чистота печати и брошюровки дѣлають эту книгу, можно сказать, шедевромъ типографской работы, выпущенной въ продажу.

Увѣрены, что „Минеи-Четы на русскомъ языкѣ“ будутъ приобрѣтены въ бібліотеку каждой церкви. И всякій приобрѣтшій первую книгу этого чтенія, любезнаго сердцу русскаго православнаго христіанина, скажетъ великое спасибо всѣмъ, потрудившимся надъ изданіемъ ея.

Вышла новая книжка преподавателя Кіевской духовной семинаріи П. Калачинскаго:

„Сельскій пастырь, какъ законоучитель церковно-приходской школы и завѣдующій ею“.

Кіевъ 1902. Ц. 40 коп. Складъ книжки у автора.

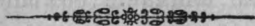
Отзывы печати:

Изложенныя въ книжкѣ П. Калачинскаго дидактическіе совѣты и практическія замѣчанія могутъ принести несомнѣнную пользу сельскимъ священникамъ, особенно начинающимъ трудиться на нивѣ Божіей въ качествѣ законоучителей и наблюдателей церковно-приходскихъ школъ.

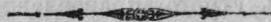
(Церк. Вѣд. №№ 15—16. 1902 г.).

Совѣты автора отличаются пѣлесообразностью и замѣчанія жизненной правдой и пригодностью. Вообще книжка содержитъ много поучительнаго и будетъ весьма полезна нашимъ сельскимъ пастырямъ.

(Рук. для сел. пастырей. Богосл. Библ. Листокъ. Вып. 2—3 1902).

Содержаніе:—1) Спасеніе чловѣка по ученію Православной Церкви.—(Продолженіе).—2) Изъ путешествій на Аеонъ.—3) Изъ иноепархіальныхъ сообщеній.—4) Объявленія.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Іаковъ Новицкій.

Печатать дозволяется 7 іюня 1902 года Цензоръ, Инспекторъ Курскаго Епархіальнаго жен. училища, Протоіерей *Михаилъ Краснитскій*.

Курскъ. Типографія Бр. Н. и П. Ваниныхъ.